

Об истоках династического кризиса в Киевской Руси 1014–1019 гг.

М. В. Талашов

В статье раскрывается проблема зарождения и последующего развития династического кризиса 1014–1019 гг. в Древней Руси. Автором предпринята попытка выявления основных причин уособицы начала XI столетия. Гипотетическая виновность Святополка Окаянного в убийстве Бориса и Глеба – один из ключевых вопросов, рассматриваемых в публикации.

Ключевые слова: династический кризис, киевский князь, Владимир, Святополк, уособица, окаянный, престолонаследие, братоубийство, Каин, Ярослав.

About Sources of Dynastic Crisis in Kievan Rus in 1014–1019

M. V. Talashov

The article is dedicated to the problem of formation and further evolution of the dynastic crisis in Ancient Rus in 1014–1019. The author makes an attempt to reveal the main reasons of the feud at the beginning of the 11th century. Whether it is possible to consider Svyatopolk the Cursed's guilty of Boris and Gleb's murder is one of the key questions discussed in the text.

Key words: Dynastic crisis, Kievan prince, Vladimir, Svyatopolk, feud, curst, succession, fratricide, Cain, Yaroslav.

1014–1015 гг. были ознаменованы драматическими событиями на Руси. Скоропостижная смерть Владимира Святославича спровоцировала ожесточенную борьбу его сыновей за обладание киевским великокняжеским столом. Страна оказалась в состоянии острого династического кризиса, на сей раз значительно более тяжелого, чем в предшествующий период. Древняя Русь уже знала одну уособицу, начавшуюся и завершившуюся братоубийством: в 975–980 гг. трагически погибли Олег и Ярополк Святославичи. Их смерть помогла Владимиру водвориться в Киеве и стать единовластным правителем огромного государства. Однако даже эти кровавые события не идут ни в какое сравнение со смутой, развернувшейся в стране после смерти князя.

Традиционно считается, что главным виновником кризиса является Святополк, приемный сын Владимира Святославича, попытавшийся устранить своих сводных братьев, ставших его основными политическими соперниками в борьбе за власть. Ответственность за уособицу 1015–1019 гг. возлагали на князя как средневековые летописцы, так и маститые историки нового и новейшего времени. В трудах Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова фигура Святополка являлась воплощением человеческого властолюбия, не имеющего права на оправдание [1]. Образ Святополка как «злодея» и «похитителя престола» стал стереотипным для российской историографии конца XVIII–XIX вв. Из перечисленных исследователей лишь С. М. Соловьев, обративший внимание на аналогичные братоубийственные уособицы в Польше и Чехии, заметил, что кризис 1014–1019 гг. мог быть вызван объективными факторами. К началу XX в. эмоциональный подход в оценке характера уособицы

значительно ослабел. В. О. Ключевский, в своем курсе русской истории обошедший стороной события, связанные со смертью Владимира, пришел к выводу о неразвитости семейного права в великокняжеском роду. Историк указал на отсутствие четко определенного порядка наследования в Киевском государстве в начале XI в., что создавало почву для уособиц [2]. А. Е. Пресняков объяснял жестокие действия Святополка стремлением к восстановлению единовластия [3]. В советской историографии критика внутренней политики князя была традиционной и опиралась на те же общечеловеческие ценности, каковыми руководствовались предшественники [4]. Тем не менее, советские ученые более глубоко подошли к проблеме выявления причин династического кризиса 1014–1019 гг., попытавшись увидеть в поступках Святополка не корыстный интерес, а государственную необходимость. Так, по мнению Б. Д. Грекова, Святополк «стал проводить политическую линию своего отца (Владимира Святославича. – прим. авт.)», надеясь поддержать «целостное существование Древнерусского государства» [5].

Принципиально новый подход к оценке интересующих нас событий был предложен М. Б. Свердловым. Оценивая общий характер политической ситуации в стране в начале XI столетия, ученый пришел к заключению, что кризис был спровоцирован вовсе не Святополком, а Владимиром Святославичем, допустившим целый ряд грубых ошибок во внешней политике и вопросах престолонаследия [6]. С доводами исследователя трудно не согласиться. Действительно, одним из крупнейших просчетов Владимира следует считать коварное убийство его старшего брата Ярополка и усыновление самого Святопол-

ка, что противоречило курсу на укрепление великокняжеской власти и создавало прецедент для грядущей династической распри. Поступок Владимира ставил под угрозу уже сложившийся на Руси порядок наследования по прямой нисходящей линии старших сыновей и тем самым грозил дестабилизировать положение в государстве. Очевидно, пытаясь укрепить отношения с пасынком, князь отправил его посадником в Туров и женил на дочери польского князя Болеслава Храброго. В итоге, благодаря географической близости Турова к Киеву, именно Святополк получил шанс первым оказаться в столице по смерти Владимира и захватить престол, упредив своих сводных братьев [7, с. 191, 195]. В то же время династический брак позволял Святополку опереться на вооруженные силы и экономические ресурсы Польши в случае, если его права будут оспорены кем-либо из родственников. Необходимо отметить, что пасынок не преминул воспользоваться своими связями с Болеславом и еще при жизни отца составил заговор с целью его низложения. К сожалению, летописи умалчивают о деталях этих событий, однако совершенно очевидно, что ключевую роль в них сыграла супруга Святополка и приехавший с ней епископ колобрежский Рейнберн, поддерживавшие тесный контакт с польской знатью и подбивавшие князя к восстанию против Владимира. Заговор был раскрыт, и все три основных заговорщика заключены в острог, откуда их выпустили только в 1013 г. после многочисленных ходатайств со стороны Болеслава Храброго, опасавшегося за судьбу дочери. Беспокойного Святополка пощадили и перевели в Вышгород, еще более близкий к Киеву, чем Туров.

Необходимо отметить, что русские летописи обвиняют в непокорности Владимиру не только Святополка. Повесть временных лет в статье 1014 г. рассказывает о восстании Ярослава Владимировича, не желавшего платить дань киевскому князю: «Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: “Расчищайте пути и мстите мосты», ибо хотел идти войною... на сына своего...” [7, с. 195]. Только болезнь и скоропостижная кончина киевского князя предотвратили кровопролитие. Именно эти события связывают с началом политического кризиса 1014–1019 гг.

Как видно, Святополк не был единственным изгоем в семье Владимира. Нельзя забывать, что последний умертвил отца и братьев Рогнеды,

матери Ярослава, а в 987 г., вознамерившись жениться на византийской принцессе и принять христианство, сослал Рогнеду вместе со старшим сыном Изяславом в заброшенный поселок на р. Свислочь. Данные факты со всей очевидностью свидетельствуют, что личные мотивы, побуждающие выступить против Киевского князя, имелись не только у Святополка, но и у его сводных братьев – сыновей Рогнеды. Максимально усилить напряжение внутри правящего семейства должен был последний, роковой шаг Владимира, по всей видимости, и послуживший поводом к выступлению Ярослава и закулисной активности Святополка: Владимир приблизил ко двору Бориса Ростовского и Глеба Муромского, потомков от последнего своего брака с Анной Византийской. Интересно, что накануне смертельной болезни князя при нем находился именно Борис, оставивший свои обязанности наместника в Ростове и прибывший в столицу по требованию отца: «Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем печенеги пошли походом на Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день» [7, с. 195].

Особое положение Бориса и Глеба при Киевском князе было давно подмечено отечественными и зарубежными исследователями и стало поводом для многочисленных, хотя и небеспочвенных спекуляций. Еще В. Н. Татищев и С. М. Соловьев на основании летописных данных пришли к заключению, что Владимир Святославич готовился передать престол Борису, тем самым, нарушив права своих старших сыновей [8]. Известный польский славист А. В. Поппэ высказал предположение, что после Крещения правительство Владимира предприняло целый ряд мер, направленных на «византизирование наследования киевского стола». По мнению ученого, новый курс привел к формированию на Руси института соправления, вполне традиционного для греческой модели монархической власти. С точки зрения А. В. Поппэ, Борис и Глеб получили не только формальный титул соправителей Великого князя, но были коронованы, то есть официально признаны единственными законными наследниками Владимира. В подтверждение своей мысли о трансформации порядка престолонаследия в начале XI столетия польский исследователь ссылался на свидетельство немецкого миссионера Бруно Кверфуртского, согласно которому один из старших сыновей киевского владыки (вполне возможно, Святополк) был отослан к печенегам в качестве заложника [9]. Факт использования подобной практики для урегулирования отноше-

ний с кочевниками действительно следует признать уникальным: он привычен для удельного периода и столкновений с половецкими ордами, но совершенно исключителен для контактов с номадами на столь раннем этапе существования Древнерусского государства. Необходимо отметить, что гипотеза А. В. Поппэ находит косвенное подтверждение в агиографических источниках. Так, в церковной службе Борису и Глебу (Роману и Давыду в крещении) упоминается, что был «цесарским венцем от уности украшен, пребогатый Романе» [10]. Вне зависимости от того, насколько справедливы предположения А. В. Поппэ, нужно признать, что попытки Владимира опереться на младших сыновей в обход старших провоцировали соперничество между молодыми князьями и значительно осложняли отношения в правящем семействе.

Таким образом, летописное предание позволяет составить довольно полное представление о причинах династического кризиса 1014–1019 гг. Последний становится результатом непоследовательных и мало продуманных действий киевского правителя, предпринявшего неудачный шаг к изменению порядка престолонаследия ради укрепления центральной власти. Приводимых летописцем данных вполне достаточно, чтобы снять со Святополка обвинение в разжигании смуты и возложить всю вину на Владимира. Однако именно Святополк выступает в качестве основного разрушителя государственного порядка, становится жестоким братоубийцей и получает прозвище Окаянного.

Уподобляя Святополка Каину, летописец стремится максимально сблизить жизненные пути, пройденные князем и библейским героем. Именно в этом сближении заключается вся неоднозначность образа Святополка. Безусловно, такой прием позволяет более глубоко понять мотивы действий князя в разворачивавшейся усобице. Напомним, что причиной конфликта между сыновьями Адама стали жертвы, принесенные богу. «Каин принес от плодов земли дар господу, и Авель... от первородных стада своего и от тука их. И призрел господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его» [Быт. 4:3–5]. Таким образом, именно зависть старшего брата к младшему привела к трагедии. В иудейской традиции существует иная трактовка библейских событий. По мнению еврейского мыслителя XIV века Йосефа Альбо, мотивом убийства стала месть за жизнь животного, принесенного в жертву Авелем. С точки зрения Альбо, Каин не видел за собой права убивать скот, поскольку считал людей

и животных равными [11]. Следует отметить, что обе трактовки вполне соответствуют данным летописи: у Святополка были все основания ненавидеть отчима и завидовать сводным братьям, несправедливо опередившим его в наследовании киевского стола.

В то же время уподобление приемного сына Владимира Каину значительно затрудняет попытки выяснить судьбу князя после завершения конфликта с Ярославом и бегства за границу. В соответствии с библейской легендой проклятый убийца Авеля стал «изгнанником и скитальцем на земле» [Быт. 4:12]. «И сделал господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» [Быт. 4:15]. Такая же судьба была уготована Святополку, о чем красноречиво повествует Анонимное сказание: «И обуяло его безумие... Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый гневом божьим. И побежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отщипление от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти – муку вечную» [12, с. 275–276].

Совершенно очевидно, что данное свидетельство не отвечает географическим реалиям: никакой пустыни в приграничной полосе между Польшей и Чехией никогда не существовало. Но, и это более значимо, данная информация противоречит тому, что сообщает о Каине Писание. В книге Бытие говорится: «И пошел Каин от лица господня и поселился в земле Нод, на восток от Эдема... И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох» [Быт. 4:16–17]. Супругой изгнанника, очевидно, стала его родная сестра [Быт. 5:4]. В последующих строках перечисляется многочисленное потомство Каина: Енох родил Ирада; Ирад Мехиаеля; Мехиаель родил Мафусала и т. д. [Быт. 4:20]. Таким образом, скитания братоубийцы завершились крепким и счастливым браком под защитой крепостных стен. В соответствии с иудейской традицией, Каин искренне раскаялся и впоследствии был нечаянно убит своим потомком, слепым Ламехом.

Сказанное выше убеждает в том, что средневековые авторы весьма избирательно подошли к использованию библейских сюжетов в описании судьбы Святополка. Это могло явиться результатом княжеской цензуры, что вполне вероятно после прихода к власти Ярослава и его сыновей, предпринявших активные шаги в связи с канонизацией Бориса и Глеба. Цензура была способна ограничить творческий порыв летописца и агиографа, заставить вести изложение в определен-

ных рамках, при которых подобного рода недо-молвки приобретали особый смысл. По мнению И. Н. Данилевского, в летописном тексте присутствуют «вкрапления» из 2-й книги Маккавеев и «Хроники Георгия Амартола», позволяющие донести до читателя в завуалированной форме информацию о невинности Святополка. Этой же цели, с точки зрения исследователя, служило известие о гибели мнимого братоубийцы, в реальности являвшееся аллюзией на искупительные жертвоприношения иудеев в пустыне, свидетельства чему сохранились как в канонической Книге Левит, так и в апокрифической книге Еноха. И. Н. Данилевский обратил внимание, что в летописном перечне сыновей Владимира Святославича, совпадающем со списком сыновей Иакова у Епифания Кипрского, Святополку отводится место Дана, покушавшегося на своего младшего брата Иосифа, но так и не решившегося на злодеяние [13].

Необходимо отметить, что для русского средневекового книжника, прекрасно знающего Библию, легитимность перехода власти в руки ту-ровского князя не должна была вызывать сомнений. Писание всегда отмечало особое положение старших сыновей и их право на наследование престола: «И дал им (сыновьям – прим. авт.) отец их большие подарки серебром, и золотом, и драгоценностями, вместе с укрепленными городами в Иудее; царство же отдал Иораму, потому что он первенец» [II Пар. 21:3]. Апостол Павел резко порицал наследников, отказывавшихся от права первородства ради ничтожной подачки [Евр. 12:16]. Таким образом, занимая великокняжеский стол после смерти Владимира, Святополк не просто восстанавливал попорченный отчимом порядок наследования, но следовал христианскими традициям, обязывавшим его, как старшего в роду, взять бразды правления в свои руки. Интересно, что в древнерусском и церковнославянском языках эпитет «окаянный», ставший прозвищем Святополка, использовался в значении «несчастный», «жалкий», «грешный», «печальный», что прибавляет двусмысленности сообщениям летописи и Анонимного сказания [14].

Что могло пробудить сочувствие к Святополку? Частичный ответ можем найти в рассказе о рождении князя. «Владимир же (после убийства Ярополка. – прим. авт.) стал жить с женою своего брата... и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка

и от Владимира» [7, с. 173–174]. На основании летописного сообщения невозможно установить, чьим сыном на самом деле являлся Святополк, подчеркивается лишь незаконность отношений его матери с Владимиром. Тем не менее, в Анонимном сказании агиограф уже категорично заявляет: «Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка» [12, с. 263]. Если принять во внимание, что Сказание было создано в начале XII столетия и в значительной степени опиралось на летописную статью 980 г., не останется сомнений в намеренном смещении акцентов со стороны автора. После канонизации Бориса и Глеба и прихода к власти потомков Ярослава необходимо было разорвать родственную связь между ними и одиозной фигурой «окаянного» Святополка.

Проблема рождения князя заставляет с большим вниманием отнестись к приведенному в Повести временных лет перечню сыновей Владимира. Если следовать тексту, мать Святополка, «гречанка», являлась фактически второй супругой киевского владыки: в списке ей предшествует Рогнеда. От последней у Владимира было четверо сыновей: Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод, причем двое из них – Изяслав и Ярослав – родились в одно время со Святополком, то есть в 978–979 гг. [7, с. 174]. Изяслав Полоцкий не пережил отца, но оставил после себя наследников. Ничего неизвестно о судьбе Мстислава Владимировича. В отечественной историографии уже предпринимались попытки его отождествления с Мстиславом Тмутараканским, потомком Владимира от неназванной четвертой супруги [15, с. 175–177]. Ясно, что Ярослав, обладавший колоссальными экономическими и военными ресурсами Новгорода, имел все шансы наследовать киевский стол в случае гибели Бориса и Глеба. Именно на 1015–1024 гг. приходится период ожесточенных столкновений между представителями старших ветвей Рюриковичей: сначала война Ярослава и Святополка, затем набег Брячислава Изяславича Полоцкого на Новгород (1021 г.), наконец, конфликт с тмутараканским князем Мстиславом (1023–1024 гг.). По мнению Д. А. Боровкова, в борьбе с Ярославом Святополк опирался на союз Берестья, Полоцка и Тмутаракани [16]. Если эта версия верна, то после смерти Бориса и Глеба развитие кризиса определялось стремлением братьев не допустить вокняжения Ярослава в Киеве.

Таким образом, анализ источников и политической ситуации на Руси начала XI в. позволяет

сделать следующие выводы: 1) кризис явился закономерным следствием политики Владимира, создавшей неопределенность в системе престолонаследия; 2) на основании имеющихся данных сложно судить о степени причастности Святополка к убийству Бориса и Глеба; 3) междоусобная война 1015–1019 гг. могла носить антиновгородский характер и затрагивать интересы старших потомков Владимира, пытавшихся противостать Ярославу.

Примечания

1. Карамзин, Н. М. История государства Российского [Текст] : в XII т. ; в 3 кн. Кн. 1, Т. I–IV. – М., 2006. – С. 169–176; Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 2006. – С. 10–14; Соловьев, С. М. Об истории древней России [Текст]. – М., 1993. – С. 46–47.
2. Ключевский, В. О. Русская история [Текст]. – Кн. 1. – Ростов н/Д, 2000. – С. 155–156.
3. Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь. – М., 1993. – С. 33.
4. См. например: Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – Л., 1947. – С. 184.
5. Греков, Б. Д. Киевская Русь [Текст]. – М., 1953. – С. 482–483.
6. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь [Текст]. – М., 2003. – С. 308–313, 324.

7. Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1996.

8. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Т. 1–4 [Текст] // Соловьев, С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. 1–2. – М., 1988. – С. 194–195; Татищев, В. Н. История Российская [Текст]. – Т. 2. – М., 2003 – С. 65–66, 614, 628.

9. Поппэ, А. В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 54. – СПб., 2003. – С. 308–315.

10. Цитируется по: Боровков, Д. А. Тайна гибели Бориса и Глеба [Текст]. – М., 2009. – С. 23.

11. Каин, Гитлер и Вегетарианство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jewish.ru/tradition/classics/philosophy/2006/06/news994235611.php>

12. Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу [Текст] // Боровков, Д. А. Тайна гибели Бориса и Глеба. – М., 2009. – С. 263–279.

13. Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XI вв.) [Текст]. – М., 1998. – С. 336–354.

14. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] : в 3-х томах. – Т. II. – М., 2003. – Стб. 640.

15. Петрухин, В. Я. Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание [Текст] // Ярослав Мудрый и его эпоха. – М., 2008. – С. 167–180.

16. Боровков, Д. А. Тайна гибели Бориса и Глеба [Текст]. – М., 2009. – С. 94–98.